

РЕЦЕНЗИИ

В. М. Кулемзин

**ЗОЛТАН НАДЬ. ВАСЮГАНСКИЕ ХАНТЫ.
ИЗМЕНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ
В XIX–XXI ВЕКАХ
(Томск: Изд-во ТГПУ. 2011. 294 с.)**

Исследовательская работа венгерского автора З. Надь «**Васюганские ханты (изменения религиозной системы в XIX–XXI вв.)**», вышедшая на русском языке в г. Томске благодаря сотрудничеству автора с Томским государственным педагогическим университетом, выполнена в лучших традициях финской и особенно венгерской уралистики. Золтан Надь с самого начала ощущает ту ответственность, которая необходима, за постановку и решение общей задачи, а также, казалось бы, мелких вопросов, не имеющих прямого отношения к делу. Однако за совсем малыми деталями автор видит большую картину. Это было свойственно А. Кастрену, К. Ф. Карьялайнену, Б. Мункачи, Е. А. Шмидт и другим финноугроведам.

Два тесно переплетенных мира – действительный и религиозный – в жизни и сознании небольшой группы васюганских хантов является объектом исследования Золтана Надь.

Центр окружающего мира – это река, поэтому соседние народы также называются по названию реки, отсюда большая и часто малая социальная группа носит название реки; с реками связана религиозно-культурная практика. Религия и шире – мировоззрение, как суммарное представление о мироздании, контролирует поведение человека в обществе, осуществляет его связь с внешним миром, вещами, светилами, сверхъестественными существами.

Автор приводит массу примеров слитности, деформации и трансформации религиозных форм верований и реальной действительности. Я позволю себе напомнить случай, запомнившийся мне из моей полевой деятельности, который имел место летом 1969 г. в с. Новый Васюган. Шел суд над молодым хантом, который в нетрезвом состоянии застрелил свою мать из-за отказа дать ему денег на водку. В зале рядом со мной оказался пожилой хант, Петр Когончин, профессиональный охотник, кстати, точно так же застреленный лет десять спустя своим сыном. Петр сказал: «Святые места разграбили, религию запретили, охоту запретили, а привезли одну только водку». Кстати, здесь пример того, как культура имеет этническую специфику, а контркультура не имеет.

Золтан акцентирует внимание на том, что ханты для того, чтобы объяснить непонятные происходящие процессы, переносят их в сферу религии. Только тогда, с позиций особо сакрального, становится понятным, допустимо или, наоборот, недопустимо нечто совершенное.

Подобная постановка вопроса еще каких-нибудь два десятка лет назад считалась бы идеалистической, и книга Золтана никогда бы не увидела свет. Однако теперь автора можно только оправдать: он выбрал единственный сулящий перспективу способ показать магистральную нить развития религиозных верований хантов на протяжении двух столетий. Закрывая последнюю, двухсотдевяностую страницу книги, читатель с удовлетворением отмечает, что вместе с религией деформировалась жизнь, вместе с жизнью деформировалась религия и что нет смысла искать, где первичное, а где вторичное, как и нет смысла расчленять живой организм культуры на материальную и духовную составляющие.

Автор убедительно показал, выветив из контекста истории небольшую локальную группу хантов, что за два столетия на изменение их реальной жизни и мировоззрения влиял целый ряд факторов, а не только экономический. Их даже трудно ранжировать по степени значимости. Здесь будут: политика государства, экологические соображения, отягощенность традицией, мировоззрение, религия, отношения и оценка соседних народов, школьное образование, научные знания, физико-географическая среда, экономический фактор. Кроме всего этого, имели и имеют место эндогенные изменения, которые не являются привнесенными извне. Все это осложняется тем, что эндогенные испытывают влияние экзогенных, как, например, политика государства.

«Встраивание» хозяйства хантов в социалистические производственные отношения в 1920–1930 гг.; ликвидация так называемых «неперспективных» деревень в 1950–1960 гг.; преобразования форм собственности, мировоззрения; движения в защиту национальных культур в постсоветское время – все это, включая нефтегазовый бум, испытали на себе коренные и приезжие жители Васюганья и Привасюганья.

Если еще сто лет назад перед культурой охотников-рыболовов стояла задача обеспечить свое собственное воспроизводство и свести к минимуму влияние чужой культуры, то теперь задача совсем противоположная: как научиться жить в многонациональном коллективе, каковым должно быть собственное хозяйство, с кем вступать в брак, какой должна быть семейная обрядность, какому богу доверять собственную жизнь, как получить максимальную прибыль, как адаптироваться в урбанизированной среде.

Отечественную и зарубежную науку теперь мало интересует вопрос о культурной, экономической специфике больших регионов: Западной Сибири, Восточной Сибири и т. д. Этнографию и культурологию интересует отдельный человек, отдельная семья. Это видно хотя бы по темам, которые поддерживаются зарубежными грантами.

Автора данного исследования я бы поставил как пример в этом отношении: он рассматривает мелкие социальные объединения и почитаемые ими культовые места. Автор в том числе говорит о раздельных мужских и женских культовых местах. Здесь, однако, он не использует опубликованные работы А. А. Поповой, посвященные женским инициациям. Описывая рыболовный заповедник на р. Тух-Сигат и имеющиеся там священные молоты, Золтан дает множество толкований, которые, конечно, нельзя игнорировать и которые, скорее всего, являются интерполяциями, т. е. вторичными и третичными переосмыслениями. Первичные вряд ли удастся установить – слишком большую древность они отражают. Примерно так же обстоит дело с мысом под названием «музыкальный», что близ юрт Озерных. Способ обретения памяти и музыкальных способностей, судя по описанию Фр. Ратцеля, в деталях аналогичен аборигенам Андаманских островов, что в Бенгальском заливе Индийского океана.

Много культурных аналогий имеется с весьма отдаленными народами, но автор не ставит своей целью проследить их генезис и пути эволюции, но данная работа окажет услугу тому, кто займется этими аналогиями позднее.

Один из этапов магистрального пути движения есть смена жертвоприношений христианскими праздниками, а затем государственными советскими и, наконец, современными.

Здесь, на самом деле, наблюдается поразительная картина: равенство человек–вещь в языческом мировоззрении требовало человеческих жертвоприношений по принципу – человеку нужны вещи, а вещам нужен человек. Эта глубокая древняя идея ушла в область преданий, фольклора, легенд. Обмен подарками в день 8 Марта, 23 февраля еще несет на себе печать сакральности всего мужского по отношению к женскому и наоборот. Такова сила традиций. Автор не ставит себе целью выяснить, в чем тайна устойчивости одних традиций и изменчивости других. Это отдельный вопрос культурологи и этнографии. Однако же приведенные автором примеры интересны: взять хотя бы обычай нефтяников бросать в скважину монеты, подобно тому, как на культовом месте ханты оставляли лесному и местному духу монету, стрелу, нагрудный знак, патрон, гильзу, шестерню от механических часов и тому подобные вещи.

Золтан не берется решать те задачи, для решения которых на сегодняшний день мы имеем взаимоисключающие способы решения либо деформированные разными напластованиями данные. Таковыми, например, будут соотношение принципа локальности и родства, связь между божествами и родственными группами и некоторые другие.

Заканчивает свое исследование Золтан признанием развивающегося религиозного синкретизма, которое включает в себя элементы глобализации. По мнению автора, в этом синкретизме доминирующую роль играет отнюдь не хантыйская религия, а русская религиозная система. По мнению автора, ханты стыдятся своей религии и своих воззрений (с. 226). И далее: хантыйское общество рассматривалось в преобладающем русском обществе... на всех уровнях местного самоуправления власть находится в руках русского населения... по этой причине отодвигаются на задний план хантыйские религиозные представления. Автор говорит, что доминирующее положение в хантыйском мировоззрении сегодня занимает христианство.

Несмотря на справедливость приведенных слов, я бы возразил против термина «стыдятся». На разного уровнях конференциях и встречах, которые проходят в г. Томске с участием васюганских хантов, мне лично приходилось беседовать со многими из них. Без всякого стеснения они признают факт приобщения к русской культуре, без внешнего проявления чувства стыда говорят о забвении своего языка, обычаев, традиций. Отдельными остатками своей культуры, «как эмблемой» (термин М. Хоппала) ханты гордятся медвежьим праздником.

Надо признать, что существует немного работ, в которых бы со всей очевидностью на уровне предельного заострения была доказана пропасть между язычеством и православно-христианским мировоззрением: пришел человек – хозяин земли, он почти на вершине иерархической лестницы; он выше всех земных тварей, вещей, им творимых, выше языческих духов. Однако и такое мировоззрение было сметено материалистическим, т. е. научным. Человек оказался на вершине, поскольку бога нет. На свалке истории нашли себе место обычаи, традиции, культовые сооружения, охотничий этикет. О ревитализации языческого пласта

речи быть не может, и это убедительно доказано Золтаном.

На мой взгляд, и теперь это уже очевидно, что ни одна из известных классификаций хантыйских духов и других сверхъестественных существ не удовлетворит ни науку, ни хантов. Эта сложная система формировалась в разное время в условиях разных религиозных традиций. Следовательно, критиковать старую систему и предлагать новую – это совершенно бесперспективное дело.

Отмечу также, что в разных местах своей работы автор допускает термины «шаман», «шаманизм», однако нет ни одного раздела, посвященного специально этому феномену.

Кроме того, автор упустил существенный элемент хантыйского мировоззрения – это так называемые миллениаристские настроения (от лат. Mile – тысяча, миллениум – тысячелетие). Согласно им, через каждые две тысячи лет вода и огонь уничтожают жизнь, но она возвращается вновь для тех, кто живет по-старому. Это реакция на промышленное освоение той части населения, которая не успела или не смогла адаптироваться к новым условиям.

К сожалению, замечу также, что автор не использовал работы, имеющие к теме его исследования непосредственное отношение. Например: Ерохина Е. А. Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII – сер. XIX вв. // Русские Сибири. Новосибирск, 2001; Материалы по юридической этнографии малочисленных народов Сибири. Томск, 1993. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера. Л., 1941. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990.

В целом исследование венгерского этнолога Золтана Надь обогащает не только сибиреведение, но и мировую этнографию вообще. Автор оставляет возможность читателю сделать собственные выводы, иногда совсем не совпадающие с выводами, изложенными им самим.

В. М. Кулемзин, доктор истор. наук, профессор.
Кафедра археологии и исторического краеведения.
Томский государственный университет.
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Материал поступил в редакцию 24.12.2012